

Swietłana Michiejewa

Польская тема в поэме А. Блока "Возмездие"

Acta Polono-Ruthenica 1, 67-74

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Swietłana Michiejewa
Kaliningrad

Польская тема в поэме А. Блока *Возмездие*

Поэма А.А. Блока *Возмездие*, замысел которой относится к 1910 году, создавалась под впечатлением смерти отца и поездки поэта в Варшаву, где долгие годы жил Александр Львович Блок, профессор Варшавского университета по кафедре государственного права. Получив телеграмму о болезни отца, А. Блок в тот же день отправляется в Варшаву, повинаясь скорее сыновнему долгу, а не чувству привязанности или любви: их отношения были весьма сложны, а редкие встречи в Петербурге лишены радости и теплоты.¹ Однако неожиданное известие о смертельной болезни отца вызвало такое смятение чувств, что первые строки будущей поэмы, судя по дневниковым записям, родились в поезде Петербург – Варшава. На странице, датированной 30 ноября – 1 декабря, читаем: „Ничего не хочу – ничего не надо. Длинный коридор вагона – в конце его горит свеча. К утру она догорит, и душа засуетится. А теперь – я только не могу заснуть, так же как в своей постели в Петербурге.

Передо мной – холодный мрак могилы,
Перед тобой – объятия любви.

Отец лежит в Долине роз и тяжело бредит, трудно дышит. А я – в длинном и жарком коридоре вагона, и искры освещают снег”². Сравните:

Отец лежит в „Алее роз”,
Уже с усталостью не споря,

¹ См.: А. Блок, *Собрание сочинений: В 8-ми т.*, т. 3, Москва - Ленинград 1960, с. 621. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома (римская) и страниц (арабская цифры) в тексте.

² А. Блок, *Записные книжки: 1901-1920*, Москва 1965, с. 161.

А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря. (III, 332)

Поэма с самого начала рождается не как плач об отце, не как реквием в память о нем; в ней сразу намечается оппозиция – „отец – сын”, пока во многом внешняя, подчеркнутая противительным союзом *а*. Внутренний смысл притяжения и отталкивания составляет содержание поэмы.

Смерть отца, впечатления похорон, личные воспоминания, размышления о его судьбе, семейные предания – вот „зерно”, из которого вырастает *Возмездие*. О днях, проведенных в Варшаве 1-18 декабря 1909 года, мы можем судить по весьма лаконичным письмам матери и жене и еще более скудным заметкам в записной книжке:

- 1, (вторник). Приезд. Смерть. Вечер у Беляевых. Снятие кольца. Бродили ночью со Спекторским по Варшаве.
- 2, (среда). Панихида. Квартира.
- 3, (четверг). Квартира. Панихиды.
[...]
- 10, (четверг). Денежные дела. В 11/2 ч. к m-lle Меринг, в гимназию. Квартира. Вечером и завтра – у Беляевых. У польки.
- 11, (пятница). Квартира. Беляевы. Смертельная тоска...³

Хроника этих дней была тщательно воссоздана польским поэтом и критиком А. Галисом в исследовании *Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве*.

Эти заметки – свидетельство несомненной автобиографической основы поэмы, точности воспроизведения в ней событийной канвы, на что обращала внимание М.А. Бекетова⁴, и одновременно – избирательности авторского подхода. С одной стороны, малозначительные, на первый взгляд, события, как „снятие кольца”, единожды упоминаемое посещение польки станут важными моментами судьбы героя, а с другой – нет даже упоминания ни о сводной сестре Ангелике Блок, которой был посвящен первый вариант 1911 года,

³ Там же, с. 162-163.

⁴ М.А. Бекетова, *Из книги „Александр Блок”, [в:] Я лучшей доли не искал... Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях*, Москва 1988, с. 34.

названный *Варшавской поэмой*, ни о ее матери. О них лишь намекает образ таинственной незнакомки, рыдающей женщины, с челом, покрытым „траурной фатою”.

Это обстоятельство ставит под сомнение правомерность толкования *Возмездия* как семейной хроники или „дидактической генеалогии собственной семьи, фоном и контрапунктом которой служит описание эпохи”⁵, как это делает Ж. Нива. Ее „тема, по определению поэта, заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой... мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной” (III, 298). Поэтому и становится ключевым событием третьей (варшавской) главы поэмы посещение сыном „отчего дома”, квартиры „современного Гарпагона”, которая напоминает обиталище другого классического персонажа – Плюшкина:

Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он все берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос... (III, 338)

Но скупец, „забытый людьми и богом”, „знал иных мгновений/ Незабываемую власть”, „в пределах темных Его слепой души, впотьмах -/ Хранилась память глаз огромных/ И крыл, изломанных в горах” (III, 339). И лишь эти мгновения напоминают о гордом красавце первой главы, который был замечен и выделен Достоевским – „похож на Байрона”. „Он – Байрон, значит – демон”, – судила толпа. Однако и тогда уже „потомок” поздних поколений [...] на Байрона он походил, как брат болезненный на брата/ Здорового порой похож” (III, 322). В характере отца этим рядом уподоблений

⁵ Ж. Нива, Александр Блок, [в:] *История русской литературы: XX век. Серебряный век*, Москва 1995, с. 141.

лорду Байрону, лермонтовскому Демону автор подчеркивает черты романтического героя, что и дало основание М.А. Бекетовой сказать: „[...] самый облик отца несколько идеализирован”.⁶ Однако и в первой главе заметно явное снижение демонического образа: в бесплодных борениях потух мятежный пламень, притупилась воля, „околдован дух усталым холодом болезни”.

Вторая глава, оставшаяся ненаписанной, за исключением вступления, по замыслу поэта, должна была быть посвящена сыну этого демона – „наследнику его мятежных порывов и болезненных падений – бесчувственному сыну нашего века” (III, 298). Такая характеристика сына приходит в противоречие с предлагаемым Ж. Нива истолкованием „отцовского наследства”: „Поэма *Возмездие* [...] воспевает энергию, переходящую от отца к сыну, прославляет сильных, волевых личностей, которые, став жертвами среды, рано или поздно берут реванш и мстят этой среде”.⁷ Если вариант плана, записанный в дневнике 3 декабря 1911 года, еще допускает возможность „мести” сына: „Мама дала мне совет – окончить поэму тем, что «сына» поднимают на штыки на баррикаде. План – четыре части – выясняется. I – «Демон»... II – Детство, III – Смерть отца, IV – Война и революция, - гибель сына” (III, 603), - то предисловие 1919 года ее исключает. По мысли автора, от сына, как и от отца, тоже „не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, брошенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа” (III, 299).

Над свежей могилой отца должен был завершиться и жизненный путь сына, он „уступает место собственному отпрыску”. В эпилоге этот младенец, которого „держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях”, должен был предстать носителем идеи возмездия: вслед за матерью он повторяет – „И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот” (III, 299).

⁶ М.А. Бекетова, *Из книги „Александр Блок”*, с. 34.

⁷ Ж. Нива, *Александр Блок*, с. 131.

Варшава не только место действия; показавшаяся вначале герою „задворками России”, она затем приобретает некую, по выражению поэта, „мессианическую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши” (III, 299). С первых шагов героя по Варшаве возникает образ города – жертвы насилия, в его облике нет ни поэзии, ни красоты – „заплеванный вокзал”, „дома, коварно преданные вьюгам”, даже мост через Вислу своими решетками вызывает сравнение с тюрьмой. „Жизнь кроется глухо в подпольи”... столицу „гордых поляков/ Дремать принудила орава/ Военных русских пошляков”. Но сам город, его стены, улицы, памятники кричат о мести. Сам Коперник „делает месть, Склоняясь над пустою сферой”:

Мечь! Мечь! – в холодном чугуне
Звенит, как эхо над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой... (III, 332)

Мотив мести, прозвучавший в начальных строках третьей главы, затем разрастается до грандиозного символа, соотносимого с пушкинским Медным всадником, на что указывает подчеркнутая ассоциация: Пушкин – „тяжелозвонкое скаканье по потрясенной мостовой”, Блок – „удары мерзлого копыта по опустелой мостовой”:

Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет – и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...

И, странствуя на злом коне,
 Бряцает шпорою кровавой...
 Мечь! Мечь! – Так эхо над Варшавой
 Звенит в холодном чугуне! (III, 340-341)

Музыка мести, музыка стихии „звенит в холодном чугуне”, преодолевая оледенелость и чугунную неподвижность.

Снег, вьюга, метель, ветер – в поэтическом сознании Блока всегда связаны с разгулом стихий (стихии природы, стихии страсти, стихии мятежа). И снег, заметающий улицы и переулки Варшавы, по которым неприкаянно и одиноко бродит герой, похоронивший отца, и сам, подобный мертвецу, – „уже ни чувств, ни мыслей нет,/ В пустых зеницах нет сиянья”, – сродни им. Герой во власти стихии, разыгравшейся снежной бури, „в самом сердце ночи!”, и некому помочь – „сердце каменное глухо”. „Лишь снег порхает – вечный, белый,/ Зимой – он площадь оснежит,/ И мертвое засыплет тело” (III, 342). То, что звучало как предостережение – „он и тебя запорошит”, теперь – предвестие, знак близкой гибели сына. Именно в этот момент, как свидетельствуют черновики поэмы, –

Из-под копыт уж занесенных
 Над обреченной головой,
 Из-под удил коня вспененных,
 Из снежной тучи буревой
 Встает виденье девы юной,

простой девушки Марии с Карпат (III, 472). Ей не дано спасти героя, но она призвана влить живую кровь в „одряхлевшее тело” рода, ей, „тихой и женственной дочери чужого народа”, суждено подарить миру младенца, который, по замыслу автора, „готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества” (III, 298). Так, по-видимому, должен был разрешиться конфликт, слиться два мотива мести, две линии – частная, биографическая и общественная, историческая.

Эти мотивы должны рассматриваться в контексте всего творчества А. Блока 1910-х годов, *Возмездие* не стоит особняком, оно корреспондирует с другими циклами, в том числе *Возмездием* и *Ям-*

бами⁸, в которых стихия предстает как сила, несущая отшшение цивилизации; с размышлениями поэта о крушении гуманизма, губительности индивидуализма; его увлечением, хотя и недолгим, идеями „мистического анархизма” Г. Чулкова, который толковался как некий синтез индивидуальной свободы с принципами общественности и неизбежным разочарованием; приобщением к стихии национальной жизни как неиссякаемому источнику обновления (циклы *Родина*, *На поле Куликовом*). На параллели такого рода уже обращали внимание исследователи. Однако ассоциации, которые рождает финал третьей главы, носят принципиальный характер: мотив возмездия изверившемуся, одряхлевшему миру, воплощением его становится образ разбушевавшейся стихии, снежной метели, заметающей улицы и площади Варшавы, перекликающийся с поэмой *Двенадцать*, с образом бури, теперь уже разыгравшейся „на всем белом свете”. Любопытна и другая параллель: сравнение отца с „псом бездомным и забытым” (III, 339) вызывает в памяти – „стоит буржуй, как пес голодный... и старый мир, как пес безродный” (III, 353).

Однако музыка, которая звучит в *Возмездии*, музыкальная тема, организующая само ритмическое движение стиха, не частушечный перестук, не маршевый напор, а мотив мазурки, танца, который, как пишет А. Блок в предисловии, „носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку, с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах” (III, 299). Если в первой главе она доносится из окна какой-то квартиры, а во второй гремит на балу, то в третьей – „мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносающейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия” (III, 300).

Еще в 1922 году Артур Лурье писал: „Музыка – родная стихия Александра Блока. С понятием о музыке для Блока связаны высшие духовные основы бытия... Все то, что находит у Блока положительную оценку, то что он приемлет, он всегда определяет как явления

⁸ Вопросы связи поэмы и цикла *Ямбы* обстоятельно рассмотрены в работе Б. Бялокозовича. См.: B. Białokozowicz, *Польские мотивы в творчестве Блока*, [в:] *Atti del symposium „Aleksander Blok”*, Milano 1984, с. 44–45.

и ценности музыкальные”⁹. Потому столь важен в *Возмездии* мотив мазурки, объединяющий все главы поэмы, в нем сопрягаются две линии повествования, два плана, частный, биографический и общественный, исторический, два мотива – возмездия и мести. Младенец, последний отпрыск рода и сын простой женщины, „дочери чужого народа”, должен был стать, по мысли Д. Максимова, воплощением мечты поэта „о человеке, мужественно глядящем в лицо жизни и активно к ней относящемся”¹⁰, что подтверждают черновики поэмы: „Пускай, наконец, «герой» воплотится” (III, 462).

Замысел остался нереализованным, поэма незавершенной, исследователи по-разному объясняют это. Главное же состоит в том, что польская тема не только органична в поэме, но и составляет ее структурно-смысловое ядро.

⁹ Цит. по кн.: Ю. Анненков, *Дневник моих встреч: Цикл трагедий*, т. 1, Москва 1991, с. 71.

¹⁰ Д. Максимов, *Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока*, [в:] *Блоковский сборник: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока*, Тарту 1972, с. 118.